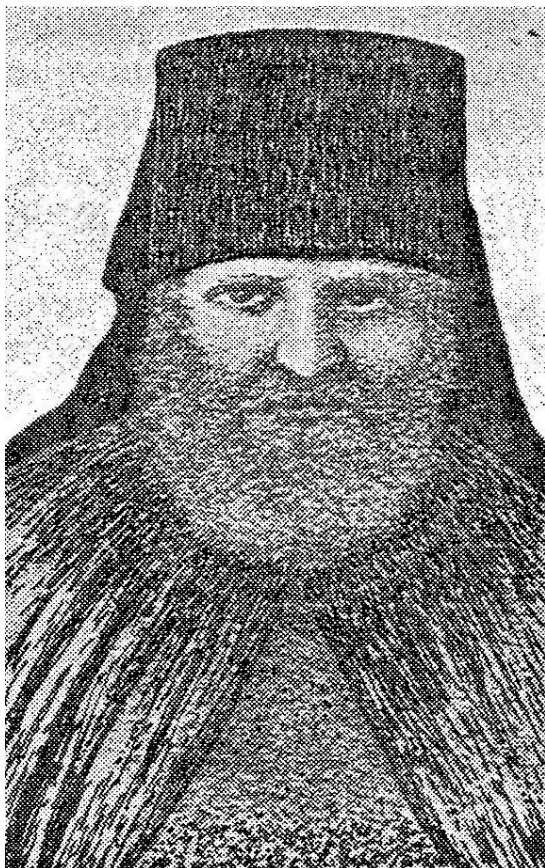

МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО) († 1896)

Монах Мартирий был одним из выдающихся подвижников Глинской пустыни, который отличался высокими подвигами самоотвержения. Крайняя нищета, неподражаемое в наше время в постничестве воздержание, жестокое самоозлобление своего тела, непрерывное над собой бдение всю жизнь, непрестанное псалмопение и молитвы и прочие делания были неотступными спутниками его жизни от начала поступления в монастырь и до блаженной кончины.

Монах Мартирий (в миру Матфей Кириченко) числился мещанином города Суджи Курской губернии; настоящей же его родиной была слобода Басевка, где жили его родители; это были люди благочестивые и достаточные; впоследствии родной брат его служил управляющим богатого помещичьего имения.

1831 года, на 31-м году от рождения, Матфей Кириченко поступил в число братии Глинской пустыни, при настоятеле Филарете, и первый искус трудов общежительного послушания начал проходить в братской поварне, где в то время был поваром известный подвижник, блаженный старец Феодот; сей последний для пламенеющего ревностью к подвигам послушника Матфея представлял собой живой пример полнейшего самоотвержения, от которого послушник Матфей мог обильно черпать уроки той жизни, которая приходилась ему так по сердцу. Желая быть достойным подражателем жизни того, у которого был под началом, Матфей, умдряемый Божественной благодатью, здесь воспринял сердцем первые задатки своих будущих деланий, для которых как бы предначертал свой жизненный путь, по которому он должен двигаться к цели бесстрастия. В этом уверяет его твердая решимость, так как он с самого начала решил самоотверженно поставить себя на жестокий путь беспощадного самоозлобления, для искоренения страстей и умерщвления в себе всего ветхого человека с деяниями его, и продолжал начатое неуклонно и непрерывно, не угашая в себе пламени ревности до самой своей блаженной кончины; а это не многим удается (Преподобный Иоанн Лествичник говорит: "Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца покушаются на делания превосходящие меру их").

1835 года, июня 4-го, состоялось причисление Матфея Кириченко в число указных послушников Глинской пустыни. За протекшие первоначальные годы послушник Матфей проходил различные черные монастырские послушания, со всяким прилежанием, а при всем этом никогда не оставлял церковного правила, выстаивая службы от начала и до конца, со всевозможным усердием. Охраняя свои чувства от развлечения и сосредоточивая в себе внимание в молитвословии, он всегда стоял наклоня голову с закрытыми глазами.

Проходя монастырские послушания, на которых приходилось постоянно обращаться не с одним монастырским братством, но и со многими людьми мирскими, послушник Матфей, невзирая на таковые соприкосновения, поставил себе правилом, не произносить праздного слова и усиленно нудил себя усвоить молчание, чего и достиг с помощью Божественной благодати. Всегда видели его погруженным во внимание, сосредоточенно пребывающим в молчании, а если требовала необходимость говорить по делу послушания, он отвечал кратко,

отрывисто, чтобы не произнести лишнего слова. Таковым молчаливым благонастроением послушник Матфей ограждал себя не без цели; стремление его души понуждало его к постоянному погружению своего ума в словеса Божия, а чтобы удобнее привязать ум к такому деланию, он, вероятно, в подражание преподобному Спиридону, просфорнику Печерскому (Житие преподобного Спиридона Печерского), изучил наизусть всю Псалтирь и при всяком занятии читал изустно псалмы, иногда умно, иногда устно тихо про себя, но когда никого не было вблизи него, он читал гласно вслух. Впоследствии он это чтение Псалтири так усвоил себе, что оно, кажется, проникло все существо его души и было как бы стихией, в которой вращались и двигались все его душевные силы. При всех своих занятиях, что бы он ни делал: т.е. дрова рубил или воду носил, сено сгребал или шел куда-либо, чтение псалмов лилось из его сердца, перед его умными очами всегда раскрыта была сия Богодухновенная книга; таким образом, славословия Богу от сердца возносились непрестанно.

В 1840 году 24 июня, по разрешению духовного начальства, послушник Матфей Кириченко был пострижен в монашество настоятелем Филаретом и был наименован Мартирием.

Еще прежде произнесения монашеских обетов монах Мартирий относился к себе весьма сурово, а по принятии на себя ангельского образа он решился совершенно отрешиться от всего земного, чувственного, а посему лишил себя самого необходимого для жизни. Нестяжание его было таково, что он совершенно не имел у себя никаких вещей или лишней одежды, исключая той, в которую одевался, а о деньгах уже и говорить нечего, он их просто не желал даже видеть.

Родной брат этого подвижника, человек благочестивый, имел хорошее состояние; иногда посещая Глинскую пустынь, он делал пожертвования деньгами и другими вещами. Монах Мартирий, смиренномудро уклоняясь от всякой известности, запрещал своему брату делать пожертвования в ту обитель, в которой он имеет свое жительство. Он говорил своему брату: "Если ты желаешь делать благодеяние, делай этот долг христианина, но это можешь выполнить, делая благотворение помимо нашей обители. Вот здесь недалеко Софрониева пустынь, Петропавловский монастырь и еще есть прочие монастыри, вот туда и направляй свои благотворения, Господь их примет, а в нашу пустынь, где я живу, не привози ничего, а то ты будешь делать пожертвования, настоятель наш и братия будут благодарны, а из-за этого и мне будут оказывать признательность, а это-то весьма не полезно для монаха, полезнее быть ему в совершенной неизвестности. Господь сказал: "Да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя" (Мф. 6, 3), так делай и ты, если будешь благотворить туда, где меня нет и тебя не знают, тогда будет по-евангельски. А нашу святую обитель и без тебя Божия Матерь не оставит". Для своих потребностей монах Мартирий ничего не принимал и от своего родного брата, исключая восковых свечей, которые он зажигал во время своих келейных молитв. Получая свечи, он говорил брату: "За это подаяние спаси тебя Господи, а кроме этого ничего мне не надо".

Монах Мартирий для приобретения незыблемых устоев духовной жизни, основанных на глубоком смирении, стремился вкоренить в себе эту фундаментальную добродетель; для сего подвергал себя всякому унижению. А как блюститель сердечной чистоты, он ясно видел тончайшие подходы врага, который ко всякому делу старается примешивать свои искусительные суемудрия. Чтобы положить предел пожеланиям ветхого человека, которые нередко влекут страстно к почестям наши сердечные чувства, и строго держаться предначертанного плана проводить жизнь в глубоком смиренномудрии, он решился отклонить от себя всякое предложение к священному сану наотрез, чтобы пресечь самые причины, побуждающие к почестям.

О келейном правиле того времени монаха Мартирия ясно сказать нельзя, потому что

келейные его подвиги совершались в тайне, но из рассказов жительствовавших с ним братии, которым приходилось быть свидетелями его стремлений, как он, с самого начала, трудился над собой, чтобы закалить себя в различных лишениях и подвигах, а наипаче во всегдашней духовной бодренности, можно заключать, что келейное правило сего подвижника обнимало собой все свободное время от трудов по послушанию.

Однажды старец Мартирий был назначен на послушание на дальнюю монастырскую мельницу, которая находится от монастыря на расстоянии одной версты. Отсюда было неудобно ходить всегда на церковное богослужение, которое старец Мартирий усвоил выполнять без опущения. Посему он к своему продолжительному келейному правилу присовокупил выполнение церковного богослужения, выполняя все в ночное время, так как днем случалось отвлекали дела по мельнице, хотя и при делах ум его бывал всегда занят чтением наизусть псалмов. На дальней мельнице, где пришлось проходить послушание старцу Мартирию, для помещения имелся деревянный домик, довольно ветхий, крытый соломой, а снизу обложенный деревянной завалинкой, подгнившей от времени. Внутри этого домика были отгорожены две маленьких келлии, в одной из них помещался старец Мартирий, а в другой рядом с ним помещался его помощник — новоначальный послушник. Обе келлии отапливались одной печкой. В зимнее время послушник, протапливая печку замечал, что у него в келлии тепло, а в келлии старца Мартирия очень холодно; он думал, что это происходит от неисправности печки, наконец, присмотревшись, заметил, что снаружи около келлии старца Мартирия завалинка раскопана и прокопаны сквозные отверстия для свободного прохода холода. Послушник, думая, что это случилось от ветхости домика, просил позволения у старца залатать эти дыры и осыпать завалинку, как должно быть; на это старец Мартирий сказал: "Не надо заделывать, а то будет жарко". — "Да где тут жарко, — возразил послушник, — когда в твоей, отче, келлии со всех сторон дует морозный ветер, так что решительно невозможно согреться?" Но старец Мартирий уверил своего помощника, что у него в келлии, особенно ночью, бывает не только тепло, а случается даже жарко. "Если хочешь узнать, — сказал он, — приходи ко мне вечером и убедишься, что бывает так". Послушник был новоначальный и очень простодушный; не понимая мысли старца, он, удивляясь, говорил: "Что за чудо! Кругом дует холодный ветер, а тепло, да еще и жарко?" Дождавшись вечера, он пришел в келлию старца, желая убедиться в том, о чем уверял старец, а этот последний готовился читать свое вечернее правило, пригласил и пришедшего помолиться вместе.

Совершив правило, которое состояло из различных молитвенных чтений, старец начал полагать с молитвой земные поклоны. А послушник, соучастник молитв, следовал его примеру. Время тянулось уже довольно долго, а полагаемым поклонам и конца не видно. Послушник, молодой, полный жизни, очень крепкого сложения, желал поравняться с престарелым старцем в полагаемых поклонах, но видя, что старец кладет их быстро, как машина, и притом без всякой усталости, он сбросил с себя подрясник, потому что вспотел, и начал полагать поклоны раздевшись. В таковых поклонах время протянулось довольно долго. Наконец старец Мартирий прочитал отпустительные тропари и надлежащий отпуск и, обратясь к своему помощнику, благодарил его за то, что не отказался с ним совокупно помолиться, и видя, что сей последний вспотел, сказал ему: "А что, брат, теперь не холодно в моей келлии?" Послушник, с простосердечной улыбкой указывая на себя, сказал: "Посмотри, отче, я весь мокрый, как из бани вышел! Благослови, пойду хотя бы немного прохладиться и отдохнуть, а то ноги надламываются!" Старец, напутствуя его доброй улыбкой, сказал: "Если когда случится холодно в келлии, делай так, как ты это сейчас испытал, то всегда согреешься". Рассказывая это, послушник (Впоследствии иеромонах Иларион; перемешен в Тульский Щеглов монастырь; он был братским духовником) говорил: "Уж в другой раз я боялся идти к нему на правило, чувствовал, что не вынесу".

При таких подвигах старец Мартирий предавался строжайшему воздержанию в пище. Телу своему он давал питания не столько, сколько бы оно требовало, а лишь бы поддержать

МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО)

жизнь. В таком воздержании он закалил себя с самого начала. День и два неядения бывали у него делом обычным, а в установленные посты порядок пощения у него принимал иной характер, о чем будет сказано после.

Однажды старец Мартирий, вероятно подражая древним святым подвижникам, решил усугубить свой пост. Пятнадцать дней провел он без употребления пищи, причем совершал изустное чтение Псалтири и прочее молитвенное правило. Впоследствии говорил своим близким по духу, что более этой меры уже поститься невозможно (Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие; (Исихий Пресв. Иерусалим, о молит, и трезв. Еп. Феоф. осд. 165)).

Вероятно, в это время ключник, заведующий съестными продуктами, заметил, что старец Мартирий продолжительное время не является за провизией, и когда пришел получать, ключник спросил его, почему он так долго не приходил за получением провизии. На это старец ответил кратко: "Далеко ходить".

При таком воздержании старец Мартирий тщательно скрывал свои в наше время неподражаемые подвиги, хотя в обществе скрыть их было невозможно, но он старался употреблять такие приемы, по которым другие думали бы о нем, как заурядном брате, для чего употреблял такие меры, каковые в глазах других казались послаблением, но вместе с тем и выполнялась заповедь братолюбия, как делалось иногда у древних египетских отцов, строгих подвижников.

Читаем в древних отечниках, что у них существовал обычай устраивать утешение братии так: кто-либо из келиотов устраивал учреждение и приглашал своих сподвижников на вечерю любви. Старец Мартирий не имел у себя ничего, но на мельнице у него было муки в изобилии. Желая сделать утешение братии, он выпрашивал у ключника бутылку конопляного масла, предполагая напечь блинов, приглашал к себе некоторых из братии, говоря: "Приходите, отцы святые, завтра ко мне на мельницу, я вас горячими блинками угощу, во славу Божию покусаете".

В урочный час старец Мартирий приготавливал тесто при неизменном изустном чтении псалмов, затем исполнял свое молитвенное правило с продолжительными поклонами, полунощницу, утреню, часы, обедницу, урочное келейное правило, с особенными дополнениями и поклонениями, им же не было числа; видя, что время подошло братья за другие дела, оканчивал молитвы, начиналось изустное чтение Псалтири и при нем исполнение работ по послушанию и приготовлению печи надлежащим порядком ко времени прихода званых братии, а так как еще здесь никого не было, то он читал псалмы гласно вслух. Как только начинали братия приходить, старец Мартирий одного из них просил читать Псалтирь; развернув книгу, указывал место, откуда начинать, вероятно, он дочитал уже до этого места. Прочих братии просил садиться кушать блины, во славу Божию, которые он сам пек и подавал на стол, и при этом в молчании слушать со вниманием чтение псалмов. А лишь чтец начинает читать славословие по чину на Аллилуиа трижды, все должны подняться и положить благоговейно три поясных поклона, по окончании же славословия опять садиться и кушать.

Таково было у него строгое постановление, из уважения к нему никто его не нарушал. Блины эти приправлялись конопляным маслом, а иногда еще и медом, если таковой случался, и при скудной пустынной пище это было большим утешением братии.

Однажды старец Мартирий пригласил к себе на таковое утешение известного подвижника старца схиархимандрита Илиодора; рассказ последнего передаем здесь. "Пришел я, — говорил старец Илиодор, — на мельницу прежде всех, когда приглашенных еще никого не было. Подойдя тихо к домику, двери которого были отворены, я услышал гласное чтение Псалтири, а когда приблизился к дверям, увидел, что старец Мартирий, склонясь на длинный

чапельник, смотрит в пылающую печь и при этом читает громко псалом; не желая прерывать чтения, я остановился и поджидал окончания, на последних словах он вынул сковородку из печи, сбросил блин и продолжал чтения славословия, — Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже, трижды, он при этом помазывал сковородку и наливал тесто, продолжая славословие, — Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Поставив на огонь сковородку, он склонился на чапельник и, смотря в печь, зачитал следующий псалом. Все сказанное у него выходило как-то простосердечно, а притом же до глубины души трогательно. Стоя перед пылающей печью, он заботился об утешении братии, но, совершая служение ближнему, не переставал возносить славословие Богу, умом предстоя ему неотступно".

Все вышесказанное свидетельствует, что старец Мартирий усвоил себе изустное чтение Псалтири так, что оно ему обратилось не в навык только, а как бы в природу и уже не требовало самопринуждения, а, напротив, чувствовалось всегда в душе его ненасытное требование сей духовной пищи. Не это ли состояние древние подвижники называли даром псалмопения, который дается по благодати Божией нудящим себя к таковому подвигу. Без сомнения, старец Мартирий прочитывал изустно всю Псалтирь в сутки, как бы в промежутках между церковными богослужениями и своего келейного правила, за исключением еще многочисленных поклонов и чтения книг святителя Димитрия Ростовского

Мельница, где жил старец Мартирий, отстоит от монастыря на довольно отдаленном расстоянии, по причине чего он не мог всегда участвовать на церковных службах, а это лишало подвижника духовного утешения, вследствие сего он просил настоятеля игумена Иннокентия перевести его в монастырь, где бы он мог всегда присутствовать на общественной молитве в храме Божиим, и желая предаться строжайшему внутреннему вниманию, он для уединения выпросил себе келлию в башне, которая в архиерейском саду на юго-восточной стороне, на углу монастырской ограды в скиту. Настоятель, удовлетворяя его желание, перевел его в монастырь и назначил ему желанную келлию в башне и, чтобы не отягощать его внешними заботами, назначил ему послушание читать известное число времени в псалтирне, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири о упокоении усопших; это вполне соответствовало душевному настроению старца Мартирия.

Переместившись из мельницы в монастырь в уединенную келлию и освободившись от занятий по послушанию, он усугубил бдительность в охранении своих чувств, ходил всегда наклоня голову и не смотрел по сторонам; взор его всегда был опущен на землю. Если требовалось что ответить вопрошавшему его о чем-либо, таковому он отвечал кротко и внимательно, но весьма в кратких словах, и при этом смотря в землю. Твердое, установившееся по благодати Духа Святого, в его сердце богомыслие и чтение псалмов увлекало его внутрь, от всего видимого.

В храме Божиим старец Мартирий становился где-либо более уединенно, иногда в углу около стенки, а иногда на хорах и стоял всегда погруженным внутрь себя в богомыслие. Когда он ограждал себя крестным знаменем, касаясь своего чела, он сильно ударял в лоб несколько раз перстами, на которых были огрубевшие ногти, так что производили довольно сильную боль, отчего на его лбу виднелось красное пятно воспаленной кожи. Некоторые из братии спрашивали его, для чего он при ограждении себя крестным знаменем ударяет себя несколько раз троеперстием в чело. Старец Мартирий ради их пользы открыл им свою мысль. "Прежде того, — говорил он, — как Спасителя нашего за нас грешных пригвоздили ко кресту воины, ругаясь над ним, возложили на Его голову терновый венец, который своими острыми шипами вонзился в его Божественную голову; шипы эти, вонзаясь, производили ужасную боль. Вот и нам грешным нужно, при ограждении себя святым крестом Господа Иисуса, помнить его болезни, претерпенные за нас. Для памяти болезней Спасителя от вонзающегося в

голову Его тернового венца я ударю ногтями в лоб, чтобы помнить Его эти болезни за нас".

Имея просвещенное Божественной благодатью душевное око, старец Мартирий был бодрый блюститель над своим сердцем, издали он усматривал приращения тонких подходов мысленного прилога, которые своей осторожностью внутреннего зрения различал и определял ясно, свой ли он (прилог) или чуждый, последнего гневным сопротивлением или отсечением причины, служащей поводом к прилогу врага, отражал и изгонял из сердца. Следующий случай показывает, насколько он был внимателен к мысленным приращениям.

Однажды какая-то раба Божия, благоговейная женщина, как-то приезжает в обитель помолиться, облегчить свою душу, утружденную мирской суетой, желая по силе своей благодатью, она некоторым старым монахам раздавала карманные платочки, прося помолиться за нее, при этом подала платочек и старцу Мартирию. Рассказ этот передал сам старец Мартирий одному из братии, который просил у него наставления, предостерегая брата, чтобы был внимателен к внутреннему движению своих помыслов. "Я взял поданный платочек, — говорил он, — и, придя в келлию, развернул его, а в нем оказалось пятьдесят копеек денег, я подумал, куда их деть? Да пусть полежат, я отдам кому-либо нуждающемуся. Вечером после келейного правила, когда затушил огонь, чтобы успокоиться, замечаю, подходит мысленный прилог и говорит: "А вот что хорошо бы тебе сделать: человек ты уже старый и слаб, надо себя поддерживать, а то, пожалуй, можно и совсем ослабеть, вот теперь деньги есть, хорошо бы купить водочки и перед обедом пить по маленькой чарочке для аппетита, пообедал бы лучше, вот бы и здоровье подкрепилось, а то от воздержания и аппетит прекращается". Вначале я не придавал ему значения, а враг нашептывал, нахально все лезет со своим лукавым советом и мешает псаломским словам, а далее пристал так неотвязно, что мне стало противно его нахальство. "Э! — думаю, — да тебе, нечистый враже, лишь бы было к чему привязаться, то ты сейчас и здесь! Надо с тобой поскорее разделаться!" Я взял платочек с деньгами и, выйдя из келлии, отыскал кирпич и привязал к нему платок с деньгами и пошел к речке, где самое глубокое место (около бани). Стал спиной к речке, чтобы не видеть, где упадет кирпич, и забросил его через голову в воду, не оглядываясь назад, и пошел обратно в свою келлию. Придя в келлию, почувствовал спокойствие — помыслы совсем исчезли". Этот рассказ характерно рисует, насколько старец Мартирий всегда был бдителен к самым тонким мысленным прилогам и как решительно отсекал самые причины, подающие повод к возникновению мысленных приращений.

Старец Мартирий в своей келлии чаю никогда не пил, у него не было и чайной посуды. Не пил чаю не потому, что считал чай пить погрешностью, а потому, что, по его словам, он много отнимает времени. Вероятно, родной его брат подарил ему самоварчик, который он, не желая иметь в своей келлии, отдал послушнику, впоследствии монаху Петру, клиросному, который жил под его келлией там же в столбе-башне. В Глинской пустыни был обычай три раза в год раздавать братии по известной порции чаю и сахару; так раздавалось к праздникам: к Пасхе, к престольному празднику Рождества Богородицы и к празднику Рождества Христова. Старец Мартирий, получив свою порцию чаю и сахару на праздник, приносил все это к вышеуказанному послушнику Петру и просил ставить самовар. Здесь он один раз из своей порции пил чай, а остальной чай и сахар оставлял и более не приходил пить чай, пока к другому празднику опять не получит иную порцию, тогда опять принесет и опять один раз попьет чаю. Таким образом старец пил три раза в год свой чай, и то не в своей келлии, за исключением того, когда бывал общий чай на послушании, когда убирают сено, или еще какое общее послушание.

Воздержание старца Мартирия было поистине неподражаемое. Когда он приходил в трапезу, то, сидя за столом с братией, казалось, ел обыкновенно, как и прочие братия, но кому приходилось наблюдать, тот убеждался, что он ел как малый ребенок, да и в трапезу он приходил не всякий день, и когда он не приходил в трапезу, в тот день он оставался без пищи.

Посуды у него в келлии не было никакой за исключением кувшинчика для воды и черепяной махоточки, с которой он иногда приходил вечером в кухню отобрать кулешу. Придя в кухню, он спрашивал повара, все ли братия отобрали для себя ужин. Если не все, он будет ожидать, пока все не отберут и если не будет остатка, старец брал кусочки хлеба или пригарок из гречишной каши, которые пригорают в чугуне, и шел домой, а если оставался кулеш, то брал его в махоточку. Всегда старался брать то, что оставалось и по негодности выбрасывалось скоту. Он говаривал, что ту часть, которая выносится скоту, можно есть без упрека совести, а за ту, которая годна и употребляется на братию, надо молиться. Приходится удивляться глубокому смирению сего дивного подвижника, который, проводя жизнь равноангельскую, в непрестанной молитве, достиг той высоты смирения, этой неподательной добродетели, что считал себя недостойным части братской пищи, а употреблял ту часть, которая уже назначалась для скота. Взяв в махоточку кулешу, старец Мартирий, придя в келлию, съедал несколько ложек, остаток же никогда не выбрасывал, а оставлял его на завтрашний день. Простояв сутки, кулеш прокисал и начинал бурлить. На следующий день брал он свою махотку с вчерашним кулешом, от которого несло кислотой, начинал есть, но вкус делает свое, натура не принимает. Тогда старец, обратясь к себе, с укоризной говорил: "Что же ты не ешь? Не вкусно, не нравится! А куда его теперь деть? Это святая милостыня! Значит, еще не голоден, а если вправду захочешь, то будешь есть". Он отлагал махотку в сторону и не давал себе есть. Таким образом он изнурял себя голодом, пока оставшийся прокислый и уже прогорклый кулеш не употребит. Поэтому он говорил братиям: "Кулеш, если останется до другого дня, делается вкусней, а на третий день еще вкуснее, и чем больше стоит, тем делается вкуснее". Понятно, что если не дать себе три дня пищи, то поневоле согласишься, что бы то ни было съесть, и вкус, хотя невольно, подчинится усиленному принуждению. Святые воздержники, изведавшие это опытом, говорят: "Скудость услаждает и самый хлеб".

Старец Мартирий иногда брал на кухне пригарки, которые пригорают в чугуне, когда варят кашу гречневую или пшеничную, эти пригарки он размачивал и ими удовлетворялся. <...>

Все сказанное о воздержании старца Мартирия относится к обыкновенному времени, т.е. к дням разрешения. А что касается святых постов, на это у него были особые свои правила: в первую неделю четырехдесятницы он ничего не ел и не пил до субботы, пока приобщится Святых Тайн. При этом, бывая на всех церковных богослужениях, он выстаивал все и выполнял по уставу многочисленные поклоны. Прочие дни св. четырехдесятницы проводил в великом воздержании, но последнюю неделю страстей Христовых решительно не употреблял пищи до святого великого четверга, когда уже приобщался с братией Святых Тайн; в тот день употреблял пищу, а затем не ел опять до Светлого Воскресения. В эти дни он доходил до того, что становился похожим на движущийся скелет, обтянутый кожей, с глубоко запавшими глазами, которые ярко блестели, горя внутренней ревностью радостнотворного духовного веселья. Скрывая свое воздержание, он закрывал свое лицо клобуком от взора посторонних. Уже после смерти старца Мартирия духовник его Анастасий рассказывал: "Однажды на последней неделе, говея, старец Мартирий подошел исповедоваться. Духовник, видя его безмерно изможденным, спросил его, давно ли он принимал пищу. "В воскресень", — ответил он. Духовник заметил ему, что изнурять себя до такой крайности не следует, на это старец объяснился, что такого правила воздержания в эти дни он держится всю жизнь. Духовник, вероятно, желая испытать через послушание, по Богу ли его такое воздержание, не подстрекаемо ли оно духовной гордостью, сказал ему: "Иди подкрепишься пищей, а иначе я не буду тебя исповедовать". Старец, смиренно повинувшись, исполнил приказание духовника.

В башне келейная жизнь старца Мартирия для постороннего наблюдателя была малодоступна. Башня стоит уединенно в саду, а посему он здесь проводил жизнь как бы отшельническую. Его можно было видеть только в церкви, в трапезе и на общих послушаниях, которые бывают вообще редко; приходилось слышать рассказы о порядке его жизни от тех заслуживающих полного доверия братии, которые обращались к нему за наставлением и были

МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО)

ему близки по духу, но и здесь говорится только о порядке подвижнического наружного делания. Так, у старца Мартирия не было в келлии никакой мебели: ни стола, ни стула, ни койки, а одежда состояла из одной рясы, одного подрясника теплого, другого холодного, одной мантии, одной камилавки, все это заношенное, истертое и в заплатках; этот весь гардероб висел на гвоздиках в коридорчике. Был еще у него некрытый тулупчик простой овчины, в котором он иногда согревался; этот последний свернутый лежал в келлии на полу при стенке в углу; когда старец уставал, он садился на него отдохнуть. В келлии были одни голые стены, все украшение этих последних состояло в следующем: в святом углу стояла святая икона, а ниже к стенке была прикреплена досточка — простой неотесанный отрезок шелевки, на ней лежали книги: Евангелие; Апостольские послания, Псалтирь, сочинения святителя Димитрия Ростовского и другие. Старец Мартирий, следуя наставлению святого апостола, чтобы молиться, и молиться непрестанно (1 Сол. 5, 17), все свои силы и все время употреблял на молитвенные подвиги. Придя из церкви, он становился выполнять свои келейные молитвенные правила, эти последние были, вероятно, у него так расположены, чтобы ими заполнить все остающееся свободное время: он читал Святое Евангелие, Апостольские послания и Псалтирь. Если чувствовал приступ сна, тогда оставлял чтение и начинал полагать бесчисленные земные поклоны, которых никогда не считал, и другим при наставлении говаривал: "Когда кладешь поклоны, не считай их, вот и не будешь думать сколько положил; что много положил поклонов, не будут беспокоить тщеславные помыслы. Бог все видит и знает, а нам-то для чего знать". Когда же старец чувствовал от поклонов усталость, тогда садился на лежавший на полу тулупчик и брался за чтение поучительных сочинений святителя Димитрия Ростовского, если же и опять чувствовал приступ сна, то опять становился и клал поклоны. Таким образом проходила его жизнь: в церковных богослужениях, келейном правиле, в поклонах и чтении поучительных книг. Он укреплял себя крепким сном, сидя на своем тулупчике, а на своих боках едва ли он ложился, этого никто не замечал, а приходилось его видеть дремлющего в сидячем положении.

Все здесь сказанное представляет нам подвиги старца Мартирия, наблюдаемые и постигаемые для нас, как внешние делания: труды, злострадания, самоумерщвления — распятия плоти со страстями, и понятно, что они совершались для совершенного умерщвления ветхого человека, но что касается внутреннего его душевного делания, тех сердечных болезнований, воздыханий, предстояний всегда перед лицом Божиим, в страхе и любви, без чего не может человек решаться на таковые самоумерщвления, то они ведомы только Единому Сердцеведцу-Богу. А нам достались весьма скудные сведения о его духовной борьбе с духами злобы и о благодатных проявлениях, которых не лишен был этот дивный подвижник; эти последние почти совершенно сокрыты им, по причине его глубокого смирения и его молчаливости, о таковых проявлениях старец Мартирий высказывался только уже в неизбежных случаях и говорил только то, чего невозможно было скрыть.

Однажды старец Мартирий оказался внезапно больным, так что попросил к себе своего духовника иеромонаха Порфирия. Этому последнему он объяснил, отчего произошла его болезнь. Это происшествие, по словам духовника, совершалось таким образом. В ночное время старец Мартирий, стоя на молитве, услышал шум, и треск, и колебание своей башни (в которой он жил), стены дрожали, готовы были разрушиться. Слышался крик, угрозы раздавить башню и задавить старца обломками. Сей последний, вероятно, не первый раз видя нападение бесовского полчища, стоял на молитве непоколебимо. Бесы, расвирепевши и Божиим попусшением приблизившись к старцу, начали наносить ему удары; удары эти были настолько сильны, что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы ударов палкой. От таковых побоев старец не мог свободно владеть рукой и после довольно долгое время носил перевязанную руку на полотенце на шее (В жизнеописаниях древних подвижников: И. Антония Великого, Марка Фраческого и других многих повествуется о биениях их от бесов, а также во многих жизнеописаниях современных подвижников говорится о том же). Это случилось в 1863 году в летнее время. Пишущий эти строки

МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО)

сам видел старца Мартирия, болящего от таких бесовских побоев; рано утром он, выйдя из своей келлии, лежал под елкой в архиерейском саду; сюда приходил к нему духовник, вероятно, здесь он раскрыл ему случившееся, при этом говорил духовнику в простоте души: "Зачем лукавый враг на меня нападает. Я его ничем не трогаю!"

Надо удивляться глубокому смирению этих святых подвижников, которые в непрестанном славословии предстоят умом Царю Небесному, Господу бесплотных сил и сами, подобно бесплотным блаженным духам, приемлют благодатные утешения, подаваемые от Святого Духа, и уже здесь бывают причастники блаженного состояния, предназначенного любящим Бога, чего за свою безумную гордость лишился диавол, а это разжигает его злобу адским огнем. Но смирение, внедрившееся в их душу, как завеса, закрывает перед ними их высоту духовного совершенства, и они глубоко убеждены, что ничего такого не совершают, за что бы злобился на них диавол. Посему и старец Мартирий высказал духовнику, что он врага ничем не затрагивает, а того и не видит, что он диаволу своими подвигами не дает покоя (Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их; ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твоё изъязвят тело (Преподобный Нил Синайский, т. 91. Добротолуб.). Не отказывайся терпеть этих сукновалов. Пусть колотят и топчут ногами, растягивают и гладят, но через это одеяние твоё делается светлым (там же, т. 140).).

Рассказанный факт бесовских нападений обнаружился через духовника, как уже было прежде о том сказано; а сколько сокровенной борьбы с диаволом перенес старец Мартирий, которая остается для нас неизвестной, а известна только Господу, ведающему сокровенные сердечные тайны! Только некоторые проявления приподнимают завесу, сокрывающую от нас все происходящее. Например: старец Мартирий иногда приходил в псалтирню, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири, и, сидя на скамейке, склонясь на стенку, забывшись сном, укреплял себя несколько. На вопрос братии, зачем он здесь находится не в свои часы, он отвечал, что пришел в псалтирню подкрепить себя сном, на это ему говорили, что можно в своей келлии спать, старец говорил: "В келлии враги не дают уснуть, а в псалтирне читается слово Божие, вот здесь уже врагу той свободы нет, здесь я немного и сосну". Как нападали враги? В каких видах и образах? Этому старец не уяснял, а если бы раскрыл, картина получилась бы замечательная (В древнем Патерике находится следующая повесть. Когда первые анахореты поселились в Египетских пустынях, то враг нападал на них с такой силой, что не давал им совершенно спать. Посему эти подвижники, для укрепления себя сном, собирались в одно место несколько человек. Один из них читал псалмы, а прочие покоились сном, чтение псалмов ослабляло силу врага. Говорится там же, что впоследствии, когда сила креста Господня с проповедью Святого Евангелия распространилась по вселенной, тут сила вражья ослабела, диавол уже не мог нападать с таким ожесточением).

Случалось видеть старца Мартирия днем, сидящего на крыльчке. Перед ним на коленях лежала развернутая книга. Старец от безмерных бденных трудов дремал, склонясь на стенку.

В 1863 году в летнее время известный старец, иеросхимонах Макарий, занимавший в то время келлию в нижнем — клиросном корпусе, для большего уединения пожелал переместиться в башню, в которой жил старец Мартирий. Посему настоятель игумен Иннокентий для старца Мартирия назначил келлию в деревянном корпусе, который стоит выше корпуса настоятельского, при входе из святых ворот в монастырь, в первом коридоре налево первая келлия. Старец Макарий, прежде перемещения желая осмотреть башню, пришел в келлию старца Мартирия и, увидев одни голые стены (замка не существовало у него никогда), подумал, что старец уже успел перебраться в другую назначенную ему келлию, но ему сказано было, что Мартирий не переходил и еще ничего не переносил и у него нечего переносить. Нет у него ни стола, ни стула, ни скамейки, ни койки, только икона да книги, а ряса и мантия, состоящие из заплат, висели в коридорчике на гвоздике. Старец Макарий, удивляясь нищете и самоотвержению сего подвижника, все же пригласил его к себе и убедил его иметь в келлии стол, стул и койку. Старец Макарий говорил ему: "Хотя никогда не садись на стул и не ложись на койку, но в келлии твоей пусть это будет, потому что мы живем в **МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО)**

общежитии". Подвижник, как сын послушания, послушал, совета своего подвижника, попросил принести ему старья полуразломанного; все это было принесено и поставлено в келлию; на койке лежали три отрезка старой шелевки, простыни никогда не было на ней, а также и скатерти на столе. Ложился ли старец на эту койку? Едва ли! Но она послужила ему смертным ложем. Пишущий эти строки видел на этой ничем не убранной койке по скончании старца Мартирия, его бездыханное тело.

Новая келлия старца Мартирия двумя окошками была обращена к монастырскому собору и была к нему так близко, что в летнее время, отворивши окошко, можно было слушать в келлии старца церковное богослужение.

В том же корпусе в следующем коридоре (В Глинской пустыни братские корпуса пересекались поперечными коридорами, так что во всяком коридоре только четыре келлии), в первой келлии направо, жил тогда другой дивный подвижник схимонах Евфимий; теперь подвижники находились в таком соседстве, что келлии их разделялись только деревянной стеной. Живя по соседству, они иногда обменивались между собой дружескими приветствиями и духовной радостотворной беседой. Оба достигшие совершенного бесстрастия и сердечной чистоты, они были великие молитвенники, о чем, конечно, они с детской невинностью вели между собой краткие разговоры. Однажды пишущему эти строки пришлось подслушать их духовноутешительный обмен взаимных желаний. Идя из церкви, оба старца беседовали между собой. Евфимий после обычного иноческого приветствия говорил Мартирию: "Вот, отче, теперь, слава Богу, ты переселился близко к храму Божию, а это для нас, немощных стариков, какое великое благодеяние Божие!" Старец Мартирий, озарившись духовным весельем, сказал: "О! Я теперь богат, слава Господу! Даже в келлии слышу святое богослужение". Идя вслед за ними, я утешался духом, слушая их радостотворную беседу о духовном богатстве, и рассуждал в себе: вот о чем святые радуются! Тленное богатство, внешнее благосостояние их ума не занимают, об одном у них попечение, чтобы приблизиться к Богу, пребывать в храме Божиим и непрестанно наслаждаться Богодухновенным псалмопением и изречениями словес Духа Божия. Вот в чем заключается богатство любящих Бога всем сердцем.

Старец Мартирий по причине безмерной строгости своей самоотверженной жизни, каковую усвоил себе от начала, имел вообще строгие воззрения на подвижническую жизнь. Поэтому он преподавал таковым наставление в строгом духе сообразно со своей подвижнической жизнью; для слабосильных наставления его были неприменимы. Если кто из таковых спрашивал его о внутренней брани: как управляться с помыслами, страстями и хотениями, он говорил таковым, не обинуясь, что для усиленной борьбы нужно усилить воздержание. Не ешь день, если не отстают, не ешь другой, а то и третий, а при этом молись Богу, да побольше поклонов клади, вот и отстанут нападения. Действительно, сам старец проходил жестокой стезей безмерного воздержания, самоозлобления и всяких лишений. Это было действительно распятие плоти со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Других путей он не знал, да и не хотел знать; через таковые подвиги он достиг бесстрастия. Надо заметить, что старец Мартирий был крепкого телосложения, вследствие чего мог себя закалить в таких подвигах, а при этом приобрел прежде глубокое смирение, ограждающее его на духовном пути против гордого врага. Но для слабосильных такое воздержание и самоозлобление не по силам, а притом же неискусным может угрожать опасность от самомнения. Поэтому рассудительнейшие старцы не советовали молодым братьям обращаться к нему за наставлением. Старцы говаривали, что подвижник Мартирий сам мог пройти этим путем, но другим подражать ему без рассмотрения небезопасно. С первым жаром ревности самоотверженно он перешагнул многие ступени на лестнице духовного восхождения и взошел на высоту совершенства, почему и не был искушаем на низших ступенях так, как приходится тем подвижникам, которые восходят по духовной лестнице умеренным восходом постепенности среднего пути, руководясь даром рассуждения. Посему старец Мартирий не мог быть руководителем для немощнейших братии, которые идут умеренно путем царским,

МОНАХ МАРТИРИЙ (КИРИЧЕНКО)

указанным рассудительными отцами, как более доступным и безопасным.

Строгий и самоотверженный подвижник, старец схимонах Евфимий говаривал о суровой жизни старца Мартирия: "Я хотел подражать ему (Мартирию) в подвигах, но не мог выносить потому, что он был физически крепче меня".

Первый раз мне пришлось увидеть старца Мартирия на общем послушании при уборке сена. Это случилось в первый год моего поступления в Глинскую пустынь в 1863 году. Старец Мартирий, отдалившись несколько от братии, сгребал сено молча, не обращая внимания на все постороннее. Один монах, сгребавший сено со мной рядом, обратил мое внимание на старца, говоря: "Видишь этого старца? Это строгий подвижник Мартирий, а ты, должно быть, не знаешь, что он тебе земляк, как уроженец твоей родины". Услышав это, как новоначальный, я рад был, что у меня здесь находится такой замечательный подвижник-земляк. Естественно, появилось желание признаться ему, но видя, что он уклоняется от всех, я выжидал случая, чтобы незаметно к нему приблизиться. Действительно, я скоро оказался близ старца. Подойдя близко, поклонившись почтительно, я приветствовал старца по монастырскому обычаю, а он на мой привет отвечал тем же и спросил, что мне от него надо.

Простите, батюшка, я хотел у вас что-то спросить.

Спрашивай, — сказал старец.

Скажите, пожалуйста, где ваша родина?

Юнаковка, — сказал он отрывисто.

А как ваша фамилия?

Старец, взглянув на меня каким-то пронизывающим взглядом (глаза у него были очень блестящие), спросил меня:

А разве ты из Юнаковки?

Да, из Юнаковки.

— Ну, если так, я не юнаковский, — сказал старец и, подняв свои грабли, отошел в сторону подальше, наклоня голову, начал сгребать сено. А я остался на месте озадачен неудачей, раздумывая, не оскорбил ли я старца своим глупым вопросом, по своей новоначальной неопытности, и начал, раскаиваясь, укорять себя внутренне за свой глупый поступок. Теперь я верю, что старец видел мысленные движения моей души; подойдя ко мне, он, смотря в землю, начал говорить.

Ты знаешь Басовку, которая близ Юнаковки?

Знаю, — сказал я.

Вот то моя родина. Если меня кто спрашивает о родине, — сказал он, я говорю, что я юнаковский, потому что Юнаковку многие знают (Юнаковка — большая торговая слобода Сумского уезда Харьковской губернии, стоит на большой дороге из Курска на Киев. Знаменитые того времени ярмарки: Коренная Курской губернии, Кролевецкая Черниговской губернии делали этот шлях весьма оживленным вследствие передвижения на извозчиках товаров с одной ярмарки на другую. Путешествующие поклонники из северных губерний в Киев проходили громадными массами этой дорогой. Посему все пункты на этой дороге, и в числе их Юнаковка, были известны многим. Так продолжалось до проведения железных дорог, с проведением которых положение резко изменилось), а она близ Басовки, которую никто не знает. Если я скажу, моя родина Басовка, вот сколько будет празднословия, начинают расспрашивать: где находится эта Басовка, в каком месте, а мне надо рассказывать подробно и уяснять, а это все празднословие. А знаешь, слово Божие говорит, что на всякое

праздное слово придется отдавать ответ Богу на страшном суде Божиим. Поэтому, если меня спрашивают, — продолжал старец, — где твоя родина, я говорю: Юнаковка. Тем разговор прекращается. Если хочешь, — добавил он, и ты так поступай, вот и будешь избегать празднословия.

Объяснив мне это, старец Мартирий поклонился, отошел в сторону и начал сгребать сено, шевеля губами, вероятно продолжая свое неизменное и непрекращаемое чтение Псалтири. А я остался утешен вниманием и наставлением святого старца-подвижника.

Этот рассказ свидетельствует, как строг и бдителен над своими чувствами и внутренними движениями своей души был старец Мартирий. К нему действительно приложимо изречение псалмопевца: "Рек: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим: положих устом моим хранило!" (Пс. 38, 2), "Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело", — говорит апостол Иаков (Иак. 3, 2). Таким поистине совершенным был старец Мартирий, когда положил перед собой страх Божий, чего ради хранил себя от произнесения праздного слова. Но несмотря на всю строгость к себе, он был братолюбив и очень внимателен.

Однажды посетил его родной брат со своим сыном, который управлял имением владельца в вышеупомянутой Басовке. Старец Мартирий, бывши в трапезе, подойдя ко мне, взял за рукав, представил меня своему брату, рекомендуя, что я их земляк. Судя по его строгой самоотверженной жизни, таковой его поступок означал особенное его внимание.

Однажды в 6 часов утра я пришел в теплую церковь, в это время начинался простой акафист, каковой служился в Глинской пустыни всякий день; в церкви сзади из братии никого не было, кроме старца Мартирия. Этот последний, подойдя ко мне, дал знак, чтобы я шел за ним на хоры; взошедши туда, он поставил меня рядом с собой и сказал: "Давай молиться, класть поклоны" и начал полагать земные поклоны, а я следовал его примеру. В молодых, почти юношеских годах для меня это ничего не значило и было утешительно. По окончании акафиста старец, подойдя ко мне, поклонился и благодарил за то, что не отказался с ним вместе помолиться, говоря: "Это весьма душеполезно".

Незадолго перед своей кончиной старец Мартирий начал изнемогать. Но несмотря на немощь, он не изменял строгого образа своей жизни. Подвижнические его делания, и внутренние и внешние, за многие лета обратившиеся ему в природу, не могли уже быть нарушаемы. Он не давал себе послабления ни в чем. Строгое воздержание в св. сороклетие он нудил себя выполнять по заведенному порядку. Но чувствуя ослабление сил, он однажды сказал иеромонаху Иерониму, бывшему тогда ризничим (впоследствии иеросхимонах Илиодор): "Теперь по старости лет поститься всю первую седмицу поста не можно, а надо в среду выпить горячей водицы да ложку меду, тогда можно будет повременить до субботы". Это была последняя сороклетие в его земной жизни.

Старец Мартирий, приближаясь к скончанию своего земного поприща, чувствовал изнеможение телесных сил, но по усвоенной привычке не давать послабления своему телу он не обращал на него внимания. Продолжительные богослужения, бывающие в пустыни на страстной седмице старался выстаивать по возможности до Великой Субботы, но в первый день Святой Пасхи в церковь уже прийти не мог. Не желая лишиться утешительного для нашей души Пасхального богослужения, он во время утрени, пересиливая немощь и болезненные ощущения, вышел на крылечко, которое против дверей собора, здесь, прислонясь к стенке, выслушивал торжественное Пасхальное песнопение, звуки и слова которого отчетливо неслись к нему через открытую дверь, отстоящую от него на несколько аршин.

На второй день Святой Пасхи старец Мартирий был напутствован Святыми Таинствами и с молитвой на устах блаженно предал дух свой в руки Господа своего, апреля 5-го 1865 года

(По справке, кончина старца Мартирия указывается неправильно: на третий день Пасхи 6 апреля. Дневники братии указывают на второй день Пасхи. И автор сам тому личный свидетель, что кончина старца последовала на второй день в полуденное время). При разлучении души его от тела лицо его озарилось светлостью просияния. Старец схиархимандрит Илиодор, присутствуя здесь, сказал братии: "Святая сия кончина свидетельствует о богоугодной жизни сего святого старца". При одевании тела братия с удивлением смотрели, что оно издавало необычную светлую белизну. Затем многотрудное тело было предано обычному погребению при пении победных над смертью Пасхальных песнопений, прославляющих смерти Победителя Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего победу над плотью, миром и диаволом усопшему рабу Своему, чудному подвижнику старцу Мартирию.

Так окончил свое земное многотрудное поприще этот дивный подвижник, который, как живой орган Духа Святого, движимый благодатной силой Утешителя, непрестанно славословил Господа и устами, и сердцем, и всеми силами своей души, которая обратила себе в природу эти молитвенные славословия и прониклась ими так, что и при разлучении от тела, не прерывая своих славословий, потекла к первовечному свету — Господу Создателю и Искупителю своему, к Которому стремилась всю земную жизнь.

Здесь представлена вниманию читателя только некая малая частица жизни подвижника старца Мартирия, которая могла дойти до нашего сведения, и то более внешняя, доступная зрению и пониманию посторонних. А что касается его сокровенных подвигов и внутренних деланий, при этом жестокой борьбы с врагом рода человеческого — диаволом, а также и благодатных посещений, каковых он, без сомнения, был сподобляем, — все это осталось для нас глубокой тайной, ведомой только одному всеведущему Богу и подвизавшемуся.

Так протекла жизнь подвижника старца Мартирия, полная самого жестокого самоотвержения, борьбы, злострадания и всяких лишений, через которые он достиг высоты блаженного бесстрастия и соединился с Господом еще в земной жизни, а по кончине переселился в небесные обители славословить Его с бесплотными небесными силами и со всеми святыми в бесконечные веки".

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.